

СОДЕРЖАНИЕ

Разговоры богов. <i>Перевод Н.Д. Чечулина</i>	3
Морские диалоги. <i>Перевод С.С. Лукьянова</i>	51
Харон, или Наблюдатели. <i>Перевод Н.П. Баранова</i>	75
Про Геракла. <i>Перевод Н.П. Баранова</i>	98
Про Диониса. <i>Перевод Н.П. Баранова</i>	103
О Сирийской богине. <i>Перевод С.С. Лукьянова</i>	109
Сатурналии. <i>Перевод Н.П. Баранова</i>	138
Кроно-Солон. <i>Перевод Н.П. Баранова</i>	146
Переписка с Кроном. <i>Перевод Н.П. Баранова</i>	153
Народное собрание богов. <i>Перевод Н.Д. Чечулина</i>	168
Зевс в трагическом положении. <i>Перевод Н.Д. Чечулина</i>	177
Переправа, или Тиран. <i>Перевод И.П. Мурзина</i>	208
Разговоры в царстве мертвых. <i>Перевод Н.Д. Чечулина</i>	228

РАЗГОВОРЫ БОГОВ

1

Зевс — Прометей

Прометей. Освободи ты меня, Зевс! Много уж я выстрадал!!

Зевс. Освободить тебя?! Да на тебя надо бы наложить цепи еще потяжелее, весь Кавказ навалить тебе на голову надо, чтоб дюжина коршунов не только печенку твою трепала, а и глаза тебе выклевала за то, что ты поднес нам этих скотов — людей, — огонь у нас сташил и женщину создал!.. А как ты меня обманул при дележке мяса: кости, обернутые в говядинку, мне подсунул, а лучшую-то часть себе припрятал — об этом что скажешь? А?..

Прометей. Да уж довольно я за это поплатился: столько времени я на Кавказе прикован и печенкой своей прокармливаю этого проклятого орла...

Зевс. Да это ничтожная доля того, что следовало бы тебе испытать!

Прометей. Да и не даром тыпустишь меня, Зевс, — я тебе открою очень важную штуку!

Зевс. Надуть ты меня хочешь, Прометей!

Прометей. А какая мне от этого выгода? Ведь Кавказ никуда не уйдет, да и цепей у тебя хватит, если окажется, что я вру!

Зевс. Ну, говори наперед, чем это ты важным мне заплатишь?

Прометей. Если я теперь тебе скажу, куда ты идешь, будешь ли ты верить и другому, что я скажу?

Зевс. Ну, пожалуй...

Прометей. Ты идешь к Фетиде, которая готова тебе отдаться.

Зевс. Это ты угадал... Ну, а дальше-то что? Я начинаю думать, что ты скажешь правду.

Прометей. Не связывайся ты с Нереидой, Зевс... Если она от тебя родит, тот, кто родится, сделает то же, что ты сам сделал когда-то!

Зевс. Престола меня лишит?! Ты это хочешь сказать?!

Прометей. Избавь от этого, Бог, но чего же другого ждать от вашей связи?!

Зевс. Ну, так пусть себе остается Фетида подобру-поздорову!.. А Гефест тебя за совет отвяжет...

2

Зевс — Эрот

Эрот. Если я в чем и провинился, прости меня, Зевс, я ведь еще маленький и глупенький!

Зевс. Ты маленький, Эрот?! Да ты гораздо старше Япета! Только потому, что у тебя нет бороды и седых волос, ты думаешь, надо считать тебя за младенца, хоть ты старый и злой хитрец!

Эрот. Да что же такого сделал этот старик, как ты меня называешь, что ты хочешь меня заковать?

Зевс. А этого мало, негодный, что ты меня так оборачивал, что нет уж того, чем бы ты меня не делал: и сатиром, и быком, и золотом, и лебедем, и орлом? А ни одной женщины ты не заставил любить меня самого; из-за тебя я спокойно не имел дела ни с одной, всегда мне нужно их обманывать и от них скрываться. Любят они быка или, там, лебеда, а меня, как только увидят — умирают от страху.

Эрот. Это понятно: они как смертные не выносят твоего лика, Зевс.

Зевс. А как же Аполлона любят Браих и Гиацинт?..

Эрот. А Дафна и от него убежала, хоть у него роскошные волосы и нет еще бороды... Если ты хочешь, чтоб тебя любили, не трясись своей эгидой, не носи с собой молнии, а стань хорошеньким, нежным: завей себе волосы, подбери их под шапочку, надень порфиру, подвяжи позолоченные сандалии, ходи, словно приплясываешь под флейты и тимпаны, — и увидишь, что за тобой побежит больше, чем менад у Диониса!

Зевс. Ну тебя! Не хочу я, чтоб меня любили, если я таким стану!

Эрот. Ну, Зевс, так и не ищи любви, это проще!

Зевс. Нет! Любить я хочу, но хочу достигать и цели без особых хлопот — только с этим уговором я тебя и отпускаю...

3

Зевс — Гермес

Зевс. Гермес, знаешь ты хорошенькую дочь Инаха?

Гермес. Да! Ты об Ио говоришь?

Зевс. Она уж больше не девица, а корова.

Гермес. Дивное дело! Как же это случилось?

Зевс. Гера из ревности оборотила ее... Да мало того, у этой злючки и еще придумано: она поставила к ней ужасно глазастого пастуха, Аргуса, и он ни днем ни ночью не спит, все корову сторожит.

Гермес. Что ж нам теперь делать?

Зевс. А лети-ка ты в Немею, где-то там пасет Аргус нашу Ио, и убей его, а Ио переправь за море в Египет. А там сделай ее Изидой. Пусть она там будет богиней, пусть управляет водами Нила, ветрами и пусть спасает плавающих...

4

Зевс — Ганимед

Зевс. Ну, Ганимед, мы теперь на месте, обними же меня и увидишь, что у меня нет ни птичьего клюва, ни острых когтей, ни перьев, как я тебе представился, обернувшись в птицу.

Ганимед. Дяденька, разве не ты был давеча орлом, что с налету унес меня от животных?! Куда же перья-то девались? И как это ты уже совсем другим объявился?

Зевс. Не человека ты видишь, малыш, не орла — я царь всех богов, на время переменивший свой вид.

Ганимед. Что ты?! Так ты, стало, Пан?! А по-что же у тебя нету ни дудки, ни рогов, ни ног козлиных?

Зевс. Ты думаешь, что бог только он один?!

Ганимед. Вестимо. Мы ему и жертвы приносим: по цельному козлу в пещеру его отводим, где он и стоит... А ты, мне сдается, просто ребят крадешь?..

Зевс. Скажи мне, неужели ты не слыхал имени Зевса и не видел на Гаргаре его алтаря? Зевса, который дает дождь, гром, молнию?

Ганимед. Ты говоришь, дедушка, что это ты тот, что нам наемни послал большущий град, что ты живешь высоко-высоко, делаешь гром, что это тебе батька мой недавно принес в жертву целого барана?.. Царь богов, нешто я провинился в чем, что ты меня схватил?! А тамотко волки набросятся на стадо, да без призору-то и уволочут всех...

Зевс. Что тебе до стада, когда ты станешь бессмертным и с нами здесь будешь жить?!

Ганимед. Как? Нешто на Иду-то ты не отнесешь меня сегодня?!

Зевс. Ну нет! Этак-то я даром бы из бога в орла обращался!

Ганимед. Ой, да взыщется меня батька, осерчает, коли не найдет, да и отдерет, что стадо-то я бросил!

Зевс. Да где же он тебя увидит?

Ганимед. Нет! Хочу к нему!.. Отнеси меня, и обещаю тебе, что в выкуп за меня он тебе пожертвует и еще барана: у нас есть большущий трехлеток, все стадо водить...

Зевс. Как мальчик мил и прост, совсем дитя! Миленький Ганимед, оставь ты все это в покое, забудь об этом: и о стаде, и об Иде. Ты уже небожитель, будешь благодворить отсюда и отцу, и отечеству, а вместо сыра и молока будешь питаться амброзией и нектаром, да и нам всем станешь это разливать и подносить. А самое главное — ты станешь уже не человеком, а бессмертным. Я сделаю, что звезда твоя заблестит ярко и ты будешь наверху блаженства!..

Ганимед. А как мне захочется поиграть, кто будет со мной играть? На Иде нас много товарищей...

Зевс. С тобой будет здесь играть Эрот, будут у тебя и бабки, сколько хочешь, только будь весел, здоров, и не печалься о том, что на земле.

Ганимед. Да на что я вам нужен-то? Или и здесь надо пастуха?

Зевс. Нет! Ты будешь разливать вино, подносить нектар, услуживать на пирах.

Ганимед. Ну это не трудно! Я знаю, как разливать молоко и подавать чашки.

Зевс. Смотри! Опять он вспоминает о молоке и воображает, что будет служить людям! Ведь здесь небо, и пьем мы, как я сказал тебе, нектар!..

Ганимед. А он слаще молока, Зевс?

Зевс. А вот скоро увидишь и, попробовавши, никогда уже не захочешь молока...

Ганимед. А где я буду спать ночью? Верно с мальчиком Эротом?

Зевс. Ну нет! Я тебя для того унес, чтоб нам спать вместе.

Ганимед. А один разве ты не можешь заснуть или лучше тебе спать со мной?

Зевс. Конечно, лучше с таким, как ты, Ганимед, с таким красивым...

Ганимед. Да на что же тебе красота моя во сне-то?

Зевс. Ты ужасно мил, и сон мой станет слаще...

Ганимед. А вот батюшка сердился на меня, когда мы спали вместе, и поутру журил меня, что я мешал ему спать: все вертелся, бился, говорил громко во сне, — так что чаще он отсылал меня спать к мамке... И лучше тебе, если ты на то меня унес, чтобы спать со мной, скорее отнести меня на землю, а то возня тебе не даст уснуть, я тебе наскучу, как буду постоянно вертеться...

Зевс. Этим сделаешь ты мне еще больше удовольствия: если я буду меньше спать с тобой, чаще я буду тебя обнимать и целовать.

Ганимед. Ну, увидишь: я сейчас засну, как только ты меня станешь целовать.

Зевс. Тогда увидим и мы, что делать... А теперь, Гермес, возьми его и, напоив его бессмертием, приведи разливать вино, только сначала немного подучи подавать кубок...

Гера. Как принес ты сюда, Зевс, этого фригийского мальчишку с Иды, на меня почти уж и не смотришь...

Зевс. И к нему ты меня уже ревнуешь, Гера, и на него злишься, хоть он совсем ни при чем, а я-то думал, что ты злишься только на женщин, с которыми я имею дело.

Гера. И то уж не хорошо и неприлично было, что ты, царь богов, бросаешь меня, законную жену, и идешь безобразничать на земле, оборачиваясь то в золото, то в сатира, то в быка. Да хоть те все остаются на земле. А этого мальчишку ты притащил сюда с Иды — ишь, превосходнейший орел какой! — и живет он у нас, чуть не на голове у меня, виночерпий, вишь, он! Виночерпиев у тебя было мало!!! Геба, что ли, или Гефест отказались у тебя служить?! У него же ты чашу берешь не иначе, как расцеловав его на глазах у всех, и поцелуи эти тебе слаще нектара! И часто ты, хоть тебе вовсе не хочется, спрашиваешь нектара, иногда только пригубишь и отдаешь ему снова! А когда он пил, ты берешь чашу и тоже, что осталось, пьешь и именно оттуда, откуда мальчишка этот пил, и приближаешь губы так, чтобы вместе пить и целовать... А недавно! Царь и отец всех, отложив в сторону эгиду и молнию, с этакой-то бородой, в бабки с ним играл! Я все это вижу, ты и не думай, будто это незаметно!

Зевс. Что же удивительного, Гера, такого хорошенького мальчика целовать, пока пьешь, и наслаждаться тем и другим: поцелуями и нектаром?! Если бы я позволил ему, чтобы он раз тебя поцеловал, ты не стала бы бранить меня, что я нахожу поцелуи его слаще нектара...

Гера. Ну, чисто речи влюбленного в этого мальчишку! Я не с ума сошла, чтобы целоваться с этим изнеженным слюнтяем, похожим на бабу...

Зевс. Ну, ты, матушка, не очень приставай ко мне с этим мальчишкой! Этот изнеженный чужой слюнтяй мне милее и дороже... не хочу уж и говорить кого, чтобы тебя еще больше не взбесить!

Гера. Так и женился бы на нем вместо меня!.. Попомнишь ты у меня, как меня обидел из-за этого виночерпия!..

Зевс. Да, вот нужно, небось, чтобы Гефест, твой хромой сын, разливал нам вино?! Только что вернется от своего горна, весь в железных опилках, только что оставит свои щипцы — из его-то лап нужно нам брать чаши, иногда притягивать к себе и целовать его, которого и ты сама, мать, не особенно-то охотно целуешь, с его запачканным сажей рылом?! Так лучше, не правда ли?! Конечно, такой виночерпий куда приличнее для пира у богов! Ганимеда надо немедленно отослать на Иду: он слишком чист, руки у него слишком белы, он слишком ловко разливает и, что тебя особенно злит, целует он так, что слаще нектара!..

Гера. Вот теперь и Гефест хром, и пальцы у него не достойны твоей чаши, и лицо у него в саже,

и смотреть на него тебе противно с тех пор, как ты своего завитого прислужника принес к нам с Иды. Раньше ты этого не видал и опилки и кузница не мешали тебе пить из рук Гефеста.

Зевс. Себя только, матушка, расстраиваешь, а у меня своей ревностью лишь разжигаешь эту любовь. Если тебе не доставляет удовольствия принимать чашу из рук этого хорошенького мальчика, так пусть тебе и наливает твой сын... Ганимед! Ты мне одному подавай чашу и с каждой чашей по два раза целуй меня: тогда, когда будешь подавать мне полную, и тогда опять, когда будешь у меня брать... Да что это? Ты плачешь?!.. Не бойся! Сам будет у меня плакать всяк, кто попробует тебя обидеть!

6

Зевс — Гера

Гера. Как думаешь ты, Зевс, вообще об Иксионе?

Зевс. Я нахожу, что он человек порядочный, приятный собеседник. Да ведь если бы он того не стоил, так не бывал бы у нас.

Гера. Но... он не стоит... он нахал... он не должен бывать...

Зевс. Он чем-нибудь тебя оскорбил?.. Думаю, я должен знать...

Гера. Да, видишь... мне просто неловко сказать... вот на что он решился.

Зевс. Так теперь тем больше говори, что это он такое выкинул? Что он какую-нибудь богиню...

того... Воображаю, что это такое, о чем ты даже говорить затрудняешься...

Гера. За мной самой, Зевс, он приударил, не за кем другим, и уже давно! Сначала я не понимала, что это он не сводит с меня глаз, иногда вздыхает, и даже слезы у него на глазах... Бывало, когда я, выпив чего-нибудь, отдавала кубок Ганимеду, он просил, чтоб ему дали пить из этого же самого кубка, и, взявши его, как бы целовал, подносил к глазам и опять глядел на меня — так всегда выражается влюбленность. Я уж давно хотела и сказать тебе, да все думала, что пройдет у него эта блажь. Но когда он решился заговорить, бросившись на колени, я оттолкнула его, заткнула уши, чтобы не слышать таких дерзостных речей, и вот пришла к тебе, чтобы ты все узнал и решил, что с ним делать!..

Зевс. Каково! Негодяй!.. Меня самого!.. Геру!.. Вот до чего нектару допился!.. Да мы сами виноваты: слишком уж к людям снисходительны, вон в гости к себе принимаем! Вот они, зазнавшись, что пьют то же, что мы, и видят красу небесную, какой на земле-то никогда не видывали, вздумали обманывать нас, амурами заняться... Амур силен и не людьми только, но подчас и нами распоряжается...

Гера. Тобой-то уж особенно! Прямо за нос тебя, как говорится, водит, и ты бежишь за ним всюду, куда он тебя тащит, и обращает он тебя свободно во что захочет — игрушка ты просто в руках Эрота и малый ребенок!.. Вижу я, что ты и Иксиону подыскиваешь извинение, потому что сам-то, помнишь, с женой его слюбился, еще она тебе Пирифой родила...

Зевс. Все еще ты поминаешь, чем я забавлялся, сходя на землю!.. А знаешь, что я придумал? Не наказывать Иксиона никак и не разрывать знакомства: неловко это... Ну, он влюблен и, как сама ты говоришь, плачет, сильно убивается...

Гера. Да что ты, Зевс!.. Боюсь я, что ты неприличное скажешь...

Зевс. Да несколько... А сделаем мы из облака куклу, совсем похожую на тебя, а как разойдемся от ужина, и он, как все влюбленные, не будет спать, так принесем да и подложим ему — вот он и перестанет вздыхать, подумав, что достиг желаемого... Хо-хо-хо!..

Гера. Да ну тебя! Чтоб тебе пусто было, вишь чего захотел!..

Зевс. Да ну, Гера, погоди! Что с тебя-то убудет, если Иксион с облаком станет возиться?

Гера. Да ведь облако-то будет на меня похоже, на меня и стыд падет из-за сходства!

Зевс. Пустое говоришь! Ни облако тобой не станет, ни ты облаком, только Иксиона мы обманем...

Гера. Но люди все очень хвастливы, и он, как только сойдет вниз, сейчас расславит и всем расскажет, что он, дескать, любовник Геры, совместник Зевса, и все заговорят тотчас же, что и я влюблена в него, а иные и поверят, не зная, что он был с облаком.

Зевс. Да если он что-нибудь такое скажет, так я его швырну в Аид, привяжу к колесу, и он будет вечно и непрерывно с ним вертеться, наказанный не за амур — это вина не великая, — а за хвастовство!

Гефест. Видел ты, Аполлон, новорожденного Майиного сынка? Какой он хорошенький, всем улыбается, и видно, что выйдет из него нечто превосходное!

Аполлон. Как назвать, Гефест, младенцем и ждать добра от того, который, что касается плутней, словно Аридовы веки прожил?!

Гефест. Но что же мог худого сделать новорожденный?

Аполлон. А вот спроси Посейдона: у него он украл трезубец, — или Арея: у него он незаметно вытащил из ножен меч, — не говорю уж о себе: у меня он утащил стрелы и лук!

Гефест. Это новорожденный-то, который еще едва стоит, еще в пеленках?

Аполлон. А вот увидишь, Гефест, как только он к тебе подойдет.

Гефест. Да он уж подходил.

Аполлон. Ну и что же? Все у тебя инструменты, ничего не пропало?

Гефест. Все, Аполлон.

Аполлон. А посмотри-ка хорошенько...

Гефест. Господи! Клещей не нахожу!

Аполлон. Ну, так вот поищи их в пеленках у новорожденного.

Гефест. Зацепистая же у него ручка... Что он, во чреве матери, что ли, уж упражнялся в воровстве?!

Аполлон. Ты еще не слышал, как проворно он болтает и остриг! Он хочет и прислуживать нам... А вчера вызвал Эрота бороться, тотчас же повалил

его, ужасно ловко дав ему подножку. И тут же под шумок похвал стянул у Афродиты пояс, когда она хотела поцеловать его за победу, а у Зевса, который начал хохотать над этим, уташил скипетр! Не будь молния так тяжела и так горяча, он бы и ее украл...

Гефест. Ловкий, выходит, паренек-то!

Аполлон. Мало того, он еще и музыкант!

Гефест. Это ты откуда знаешь?

Аполлон. А нашел он где-то мертвую черепаху и сделал себе из нее инструмент! Стянул ее концы как у лиры, укрепил колки, подставил кобылку, натянул семь струн и наигрывал, Гефест, очень стройно и красиво, так что мне просто завидно стало, а я уж давно играю. А Майя говорит, что ночью он еще и на небе не остается, а по проворству своему в Аид бегают, вероятно, и там хочет что-нибудь стащить! У него ведь крылья и какой-то удивительный жезл, которым он повелевает душами и возит мертвых.

Гефест. Это я ему дал как игрушку.

Аполлон. Ну, вот он за это и стянул у тебя клещи.

Гефест. Спасибо, что напомнил! Пойду и отниму их у него, может, и впрямь, как ты говоришь, в пеленках отыщутся...

8

Зевс — Гефест

Гефест. Что же, Зевс, делать-то? Я принес, как ты велел, топор такой острый, что камень можно перерубить с одного удара.